

Номо innovaticus: парадоксы и противоречия инновационного антропологического проекта

Статья ставит задачу более полной интеграции гуманитарного знания в инновационный дискурс. В статье предложены основные характеристики номо innovaticus («человека инновационного») как особого антропологического проекта современности. Рассмотрен ряд его парадоксальных и противоречащих друг другу черт и признаков. Описана ситуация повышения степени свободы и ценности свободы с одновременным увеличением рисков и сложностью работы с ними. Зафиксированы созидание и потребление как одновременные, но разнонаправленные векторы приложения сил. Выявлена смена ориентации инновационного развития с удовлетворения потребностей на их формирование, обнаруживающая в инновационной идеологии «второе дно». Охарактеризована типичная черта инновационной идеологии – устремленность в будущее, стремление завоевать будущее, показана ее связь с проблемой разрыва с прошлым, традициями. В общем виде описанные противоречия характеризуют более широкую проблему перехода от эпохи модерна к постмодерну, к постиндустриальному информационному обществу, проблему глобального экономического мира.

Ключевые слова: homo innovaticus, инновационный человек, постиндустриальное общество.

Номо innovaticus – кто это?

Инновационность сегодня зачастую выступает синонимом современности, ее наиболее ярким воплощением. Объектом исследования в данной работе является «хомо инноватикус» («человек инновационный»), на которого возлагается миссия инновационных преобразований реальности. Это субъект, призванный обеспечивать генерацию новых идей и их реализацию, призванный постоянно обучаться и самообновляться, быть мобильным не только географически, но и ментально, быть открытым и рискующим, иметь как узкие профессиональные познания, так и широкие знания общего характера, сочетать исследовательские и проектные компетенции, уметь стратегически мыслить и тактически действовать, выстраивать партнерские отношения, доверять и вступать в кооперацию.

Все эти черты трудно себе представить в лице одного конкретного человека – скорее, признаки homo innovaticus растворены в десятках и сотнях тысяч обеспечивающих инновационные процессы людей и позиций: исследователей, аналитиков, управленцев, стартапщиков, менеджеров, бизнес-ангелов, венчурных капиталистов, и, в конце концов, даже потребителей инновационных продуктов.

Ведущие университеты мира, такие как Гарвард, Стэнфорд, MIT, Университет Беркли в США, Оксфорд и Кембридж в Великобритании, Гонконгский университет в Китае и др., конкурируют в поиске наиболее

Е. А. Другова,
старший преподаватель,
факультет психологии,
Национальный исследовательский
Томский государственный университет
e-mail: e.a.drugova@gmail.com

эффективных способов производства homo innovaticus: конкурируют в поиске новых форм обучения, новых способов производства и трансляции знания, новых форм кооперации, новых парадигм и методологий инновационной деятельности. Образование является важнейшим звеном в инновационной производственной цепочке, где сегодня важную, если не решающую роль играет человеческий фактор.

При этом продуктом образования выступает уже не просто человеческий потенциал (широко понимаемый как полезные человеческие качества, способности), теперь продукт образовательных мегамашин осмысливается в экономической категории капитала. Человеческий капитал, как и всякий другой капитал, «должен иметь способность воспроизводиться, то есть понесенные на его создание расходы должны принести еще большие доходы» [1], что является важной политической задачей. Человеческий капитал – самый востребованный капитал современности, а homo innovaticus представляет собой один их наиболее востребованных его «подвидов». Таким образом, сущностной характеристикой homo innovaticus является его ориентация на экономическое измерение жизнедеятельности, доминирование экономической рациональности, что обусловлено прагматичностью и утилитарностью современного инновационного дискурса.

Номо innovaticus, безусловно, искусственный конструкт человека. Проектное отношение к человеку и, шире, к социальной реальности вообще является

прямым следствием и продолжением техногенного способа жизни, технократических установок, которые начали доминировать в 20 веке, в связи с революционным научно-технологическим развитием, научно-технологической конкуренцией мирового масштаба. Развитие управленческого знания и упование на тотальную управляемость привели к политическим идеям управляемого прогресса. В науке и общественном сознании восторжествовал глобальный эволюционизм, подразумевающий, что все изменения ведут от низшего к высшему, от худшего к лучшему.

Человек перестал быть мыслим вне социотехнических систем, техника стала частью окружающей среды, к которой он теперь вынужден приспосабливаться, как когда-то люди приспосабливались к условиям тропиков или равнин. Техносфера приобрела глобальность и системные характеристики, создала собственную структуру и ритмы функционирования [2]. Технический мир трансформирует природу человека, определяет человеческие экзистенции. При этом *homo innovaticus* есть тот тип человека, который наиболее ярким образом демонстрирует приверженность к ценностям технологического развития и обновления, проектного отношения к реальности.

Еще одним важным контекстом становления *homo innovaticus* является глобализация. *Homo innovaticus* — сообщество участников мегапроекта планетарного масштаба «глобальный инновационный мир», где образцы инновационного мышления и действия задаются странами — мировыми лидерами по построению инновационных экономик. Тем же странам, которые не попали в «топ», остается реализовывать программы модернизации, ускоренной индустриализации, перестройки всех своих институтов, чтобы успеть заскочить в последний вагон, едущий в направлении «постиндустриального мира». Инновационная политика, инновационная стратегия, приоритетные инновационные программы и проекты конкурируют за достижение образа желаемого будущего. При этом глобальные проблемы современности и обуславливающие их экзистенциально-культурные условия, социально-культурные противоречия мирового социума остаются на периферии внимания.

Словосочетание «*homo innovaticus*» (иногда встречается «*homo innovatus*», однако принципиальной разницы тут нет) является сегодня скорее обобщающим и собирающим выражением, нежели устойчивым термином. Обозначение, маркировка в языке этого нового специфического сообщества предполагает некое генеральное обобщение, сообщает нам, что это сообщество уже практически состоялось как «вид», имеет свои отличные черты и особенности. Употребление этого словосочетания разными авторами в разных контекстах говорит о назревшей необходимости его понять и описать. Часто для этого используются понятия «креативного класса», «человеческого капитала», «инновационного общества».

Так, Роберт Шелтон, автор книги «*Making Innovation Work*» («Заставляя инновации работать»), директор консалтинговой компании PRTM (подразделение PriceWaterHouseCoopers), в своем выступлении на GreenBiz Innovation Forum в Сан-Франциско

в 2010 г. утверждал, что «по своей природе мы очень инновационны. Стремление к инновациям так глубоко укоренено в нас, что нам надо бы называться «*homo innovatus*»».

На Московском международном форуме инновационного развития «Открытые инновации» в 2012 г. прошла дискуссия «*Homo innovatus: условия существования вида*», где последний приравнялся к «креативному классу». Обсуждалось, какой должна быть среда, чтобы привлечь представителей «креативного класса» и создать максимально благоприятные условия для его развития, возможности эффективного влияния на формирование «креативного класса».

На Форуме «Интерра» (Новосибирск, 2010 г.) состоялась форсайт-лаборатория «*Homo innovaticus-2030*», где инновационные сообщества обсуждались в противопоставлении человеческого капитала и креативного класса.

В работе «Теория социоинновационного развития» А. С. Киселев, эксперт Департамента научнотехнической и инновационной политики Министерства образования и науки РФ, представляет «*homo innovaticus*» все расширяющейся социальной общностью, развитию жизненных сил и обеспечению самореализации которой содействуют образование, фундаментальные и прикладные научные исследования [3].

С точки зрения российских реалий особый интерес представляет раздел «Инновационный человек» Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г., где «инновационный человек» понимается как некая широкая категория (шире, чем «инновационный предприниматель»), охватывающая всех субъектов инновационных преобразований. Утверждается, что «каждый гражданин должен стать адаптивным к постоянным изменениям: в собственной жизни, в экономическом развитии, в развитии науки и технологий, — активным инициатором и производителем этих изменений. При этом каждый гражданин будет играть свою роль в общем инновационном сообществе в соответствии со своими склонностями, интересами и потенциалом» [4]. Перечисляются ключевые компетенции инновационного сообщества, которые видится уместным привести полностью:

- «способность и готовность к непрерывному образованию, постоянному совершенствованию, переобучению и самообучению, профессиональной мобильности, стремление к новому;
- способность к критическому мышлению;
- способность и готовность к разумному риску, креативность и предприимчивость, умение работать самостоятельно и готовность к работе в команде, готовность к работе в высококонкурентной среде;
- широкое владение иностранными языками как коммуникационными инструментами эффективного участия в процессах глобализации, включая способность к свободному бытовому, деловому и профессиональному общению на английском языке» [4].

Черты складывающейся идеологии *homo innovaticus* можно отследить в ведущих журналах инно-

вационной тематики, по повесткам крупнейших инновационных форумов, по темам исследований и разработок, проводимых известными исследовательскими центрами.

При анализе всего этого массива информации, нами были отслежены некоторые противоречия и парадоксы. Противоречия заключаются в разнонаправленных мотивах, векторах понимания и реализации проекта «инновационного человека», парадоксальность же — в том, что эти разнонаправленности сосуществуют и реализуются одновременно.

При этом в данной работе нам бы хотелось расширить понимание homo innovaticus, выйти за рамки технократических и экономических установок, привлечь иные гуманитарные характеристики. Хотелось бы больше сфокусироваться на «человеке инновационном» как особом антропотипе, в его отличии от, скажем, «человека традиционного» и «человека модерна». При этом мы не стремимся дать исчерпывающую картину, охватить и описать все, что происходит с современным человеком, а лишь те явные (и неявные, но отслеженные и замеченные) противоречивые черты, которые описывают сегодня homo innovaticus.

Данный анализ отчасти затрудняется идеологичностью инноватики, декларируемыми безусловными инновационными ценностями, которые сегодня «у всех на флагах», и которые проблематизировать как-то не принято, а принято думать о том, как их реализовать лучше и правильнее. У всех на устах вопросы о том, как правильно реализовать инновационную политику, создать вторую силиконовую долину, эффективный инновационный кластер, попасть в топы соответствующих рейтингов... Проблематизировать такой тип развития — удел гуманитариев, философов, культурологов, знание которых остается в некотором роде маргинальным, стоит особняком на фоне бурного инновационного ажиотажа.

Мы же полагаем, что это знание должно более полно интегрироваться в инновационный дискурс, найти там свое место и обоснование. Более того, оно призвано решить некоторые насущные проблемы, которые несет инновационное развитие, но которые пока в должной мере не отрефлексированы. В качестве примеров можно привести анализ социальных последствий конвергенции технологий, социогуманитарное сценирование устройства социума при значительном возрастании продолжительности жизни человека.

Вероятно, глубокий синтез знаний приведет к междисциплинарным проектам и подходам, расширит понимание современных проблем, позволит понять, почему, «угадав все буквы, не угадали слово?» (Петр Щедровицкий, описывая проблему построения эффективной инновационной системы в России.)

Вдохновителем рассмотрения сущностных черт homo innovaticus через фокус противоречий и парадоксов для нас отчасти стал автор книги «Менеджмент абсурда» Ричард Фарсон, который на предмете менеджмента утверждает, что жизнь всегда сложнее наших представлений о ней, и попытки слепо действовать в соответствии с теориями и предлагаемыми модными методами обычно ведут к отрицательному результату. Он призывает быть внимательнее к живой ткани

реальности, чрезвычайно сложной и насыщенной [5]. Если учесть, что инноватика это на треть, если не на половину — менеджмент, т. е. искусство управления, то эти идеи вполне применимы и к области данного интереса.

Свобода VS риски

Одной из важнейших ценностей homo innovaticus декларируется ценность свободы, при этом обратной стороной этой свободы являются возрастающие риски. И если повышение степени свободы встречается радостно и воспринимается как безусловное благо, то факт возрастания рисков осмыслен не до конца, и конструктивных подходов к управлению рисками выработано недостаточно. Во-первых, речь идет о свободе экономической деятельности, и соответственно, предпринимательских рисках. Эта растяжка более-менее очевидна, однако дальше деклараций о том, что «необходимо быть готовыми к рискам», в национальной инновационной политике дело не идет. В отечественной экономической традиции, как признают сами ведущие экономисты, общепризнанные теоретические положения и собственные подходы к управлению и оценке предпринимательских рисков не разработаны. Патерналистская роль государства в вопросах поддержки инновационного сектора лишь усложняет эту ситуацию, т.к. устраняет моделирование ситуации конкуренции на мировых рынках.

Во-вторых, возьмем социальный аспект свободы. Для homo innovaticus он означает свободу в широком плане, будь то выбор образовательной траектории, профессионального самоопределения, образа жизни. У. Бек описывает такие ценности современного человека, как «самоосуществление», «самореализация», «поиск собственной идентичности», «развитие личных способностей» и необходимости «постоянного движения вперед». Обратная сторона этой свободы, черты «общества риска» описаны целым рядом авторов, социогуманитарных мыслителей современности. Особенно глубоко эта проблема проанализирована З. Бауманом в идеях «индивидуализированного общества». Его признаками являются утрата человеком контроля над большинством значимых социальных процессов, возрастающая неопределенность и прогрессирующая незащищенность человека перед лицом неконтролируемых перемен [6]. Глобализация, ставшая одним из условий становления homo innovaticus, означает резкую утрату контроля индивидами над значимыми для них событиями. «Понятие глобализации описывает процессы, представляющиеся самопроизвольными, стихийными и беспорядочными» [6]. «События в современном мире... носят квазистихийный, незапланированный, непредвиденный, спонтанный и случайный характер» [6]. Идеология homo innovaticus предполагает, что неопределенность есть естественная среда, где долженствовало чувствовать себя «как рыба в воде», а непредсказуемые обновления представлены как благо. При этом обратной стороной, которую не актуализируют и не подчеркивают, является то, что для любого человека «уровень жизни, общественное положение, признание полезности и права на соб-

ственное достоинство могут исчезнуть все вместе и без предупреждения» [6]. Ценой новой невиданной обретенной свободы явилась тотальная небезопасность, неуверенность, незащищенность: неуверенность человека в его положении, «в правах и доступности средств к существованию, неопределенности относительно преимущества и будущей стабильности, отсутствия безопасности для физического тела человека, его личности и их продолжений — имущества, соц. окружения, сообщества» [6].

Имея в виду, что под инновационным развитием в подавляющем большинстве случаев подразумевается технологическое развитие и соответствующий экономический рост, уместно вспомнить и концепцию общества риска У. Бека, в которой он называет технико-экономический прогресс антидемократичным, поскольку тот, непрерывно изменяя все сферы общественной жизни, противоречит простейшим нормам демократии — знанию целей социального изменения, обсуждению, голосованию, согласию [7].

Таким образом, парадоксальность ситуации заключается в том, что homo innovaticus, с одной стороны, является основным драйвером описанных непредсказуемых перемен, а с другой стороны, является незащищенным перед их лицом, теряет контроль над их последствиями.

Созидание VS потребление

Homo innovaticus — это, прежде всего, генератор нового: генератор идей, решений, новых схем, нового видения. Идеология инноваций грезит «новизной», умением выйти за рамки шаблонов, стандартного подхода. Поиску способов повышения креативности индивида или целой команды посвящен не один десяток книг, статей, руководств, тренингов. Что же ждет любую инновацию, любую воплощенную новизну, с таким трудом «сгенерированную», рожденную и выведенную на рынок, завоевавшую любовь и признание пользователей? В логике инноваций, конечный продукт теряет свойство инновационности, как только попадает на рынок, и, пока он собирает на рынке свой скороспелый «урожай», ему на замену уже готовятся едва ли не десятки улучшенных альтернатив, вдобавок конкурирующих между собой. Такая логика стремительной гонки в наибольшей мере характеризует динамичные рынки ИТ, гаджетов, программного обеспечения.

При этом быстрая смена поколений товаров и услуг подразумевает послушного потребителя, «воспитанного» на ценностях нового и отрицания ценности старого. «Что представляет собой мир старых вещей: антиквариат или мусорную свалку? С точки зрения историзма или музея, чем к более древнему прошлому относится вещь, тем она ценнее. С точки зрения прогресса или технологии, чем старше модель вещи, тем она девальвированнее. Прошлое как ценность — это антиквариат, прошлое как устаревшая модель серии — это свалка истории», подмечает А. К. Краснухина [8]. Доминирование ценностей нового и культивирование потребительской логики характеризуют инновационный мир homo innovaticus. При этом «творцы»

инноваций в одной области являются их активными «потребителями» в другой. Такая двуликость, на мой взгляд, несет некоторое внутреннее противоречие, внутренний изъян: сосуществование позиции «творца» и «потребителя» едва ли можно назвать благоприятным, слишком разнятся эти векторы приложения человеческих сил, слишком разную ценностную нагрузку несут. Не потому ли так трудно дается эта «генерация новых идей», не потому ли приходится прикладывать столько усилий для ее натужного стимулирования?

Удовлетворение потребностей VS формирование потребностей

Инноватика изначально выросла из идей научно-технологического прогресса, экономического блага, удовлетворения потребностей общества. Стимулом для ее развития стали экономические кризисы, стремление открывать новые производства, обеспечивать людей рабочими местами, удовлетворять базовые социальные потребности людей. В условиях экономических циклов на фазе спада именно новые открытия и изобретения, доведенные до промышленных образцов, а затем до новых производств и рынков стали спасительным рецептом для подъема экономики. Фигура предпринимателя (homo innovaticus в самом явном его воплощении) впервые была описана как фигура «героя времени» (Й. Шумпетер). Предприниматель обладает «особым взглядом на вещи», «способностью идти вперед в одиночку, не пугаясь связанных с этим неопределенностей и возможного сопротивления», предприниматель — это «революционер в экономике и невольный зачинатель социальной и политической революции», «делающий не то, что делают другие, и не так, как делают другие» [9].

Вместе с тем, по ходу развития инновационного подхода и расширения слоя homo innovaticus, обеспечивающих его реализацию во все больших масштабах, незаметно произошла важная подмена основных целей и задач такого типа развития. Отслеживая определения инноваций, все чаще можно встретить упоминание не просто «удовлетворения потребностей», но их «формирования». Небольшое изменение в формулировке, за которым стоит фундаментальная смена ориентиров инновационной деятельности. Чем дальше, тем больше инновационный подход уходит от задач преодоления экономических кризисов, выравнивания процессов развития, в сторону поддержки экономической и технологической гонки, глобальной конкуренции развитых стран. Этот процесс можно отследить на смене категорий инноватики, подмеченной рядом авторов, когда «новшество» (как нечто новое, чего не было раньше; в инновационной цепочке это новая идея или результаты исследований) постепенно заменилось «новацией» (новый продукт или услуга, в инновационной цепочке — образец), а потом «инновацией» (результат практического внедрения, освоенный или сформированный рынок).

Смена базовой ориентации с удовлетворения потребностей на их искусственное формирование (а также быструю утилизацию и замену новыми, искусственно сконструированными потребностями)

для homo innovaticus означает смену ценностных ориентаций. На уровне деклараций в массовом сознании «новизна» активно связывается с «благом», «развитием», «свободой», «индивидуальностью»; при этом манипулирование, культивирование потребительских ценностей, следующие из них массовизация и упрощение остаются неявными, но значимыми характеристиками современной ситуации, обнаруживая в инновационной реальности «второе дно».

Устремленность в будущее VS разрыв с прошлым

«Будущее — это территория, подлежащая завоеванию и колонизации», охарактеризовал современное отношение к будущему Э. Гидденс [10]. Одной из фундаментальных черт эпохи инноваций является устремленность в будущее, стремление описать это будущее с помощью особых технологий, таких как форсайты и «дорожные карты» (roadmapping). Будущее перестало быть туманным и волнующим, оно «застроено» декларированными планами и проектами на более чем 50 лет вперед. Технологии предвидения, основанные на анализе планов и стратегий ведущих мировых игроков (государств, корпораций, научно-исследовательских сетей), совершенствуются с каждым годом, и крупнейшие аналитические центры конкурируют за наиболее точное и адекватное описание грядущего в своих отчетах и докладах. Homo innovaticus в этом плане это наиболее вовлеченная группа игроков — «конструкторов будущего». При этом целым рядом современных гуманитарных мыслителей фиксируется недостаточность проработки взаимосвязи этих проектов с настоящим и прошлым. Фиксируется разрыв с прошлым, что означает потерю оснований для проектирования и стратегирования. На каком фундаменте строятся проекты будущего? Какие смыслы и ценности закладываются туда? Стратегирование начинается с «пересмотра уже сложившихся мифов — по сути, с переписывания истории в интересах новой стратегии, с изменения привлекательного образа прошлого, который позволит сформировать новый образ будущего» [11]. Традиция, ее механизмы, обеспечивающие «естественную» поддержку человека, его целостность, ценностную взаимосвязь прошлого с настоящим и будущим, несомненно, нуждаются в серьезном осмыслении и обсуждении. Для «человека инновационного» это означает необходимость внимательного отношения к прошлому, к традициям, к корням, что в настоящее время противоречит формирующейся идеологии homo innovaticus.

Заключение

Предложенное в данной работе первое общее описание homo innovaticus является еще одной попыткой уловить суть происходящих перемен, суть человеческих трансформаций, уловить их на самом пике, в самом ярком их воплощении. «Инновационный человек» — это тип современного профессионала, усиленно конструируемый политикой, наукой, образованием. И это своеобразный и внутренне противоречивый антропотип, возникший на рубеже эпох. Станет ли

этот субъект доминирующим или растворится среди других вновь возникающих идентичностей, можно лишь предполагать. Однако базовые его черты есть черты человека будущего, черты грядущих поколений, и видится должным быть внимательными к их анализу, особенно к анализу внутренне присущих противоречий и конфликтов.

В обобщенном виде описанные противоречия характеризуют более широкую проблему перехода от эпохи модерна к постмодерну, к постиндустриальному информационному обществу, проблему глобального экономического мира. Современная наука, социология, социальная философия, антропология, экономика вместе нащупывают черты homo innovaticus и одновременно обозначают проблемные зоны, зоны рисков и потенциальных кризисов, которые призваны стать основным полем для приложения интеллектуальных сил в обозримом будущем.

* * *

Данная работа выполнена в рамках конкурса социально-политических исследований науки и технологий, проведенного Автономной некоммерческой организацией «Центр «Социально-политический анализ и исследование техники» (АНО PAST-Центр) <http://past-centre.ru>.

Список использованных источников

1. Ю. Н. Андреев. Человеческий капитал в инновационной экономике. <http://regions.extech.ru>.
2. Н. В. Попкова. Философия техносферы. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
3. А. Киселев. Теория социоинновационного развития. МОО «Информация для всех». <http://www.ifap.ru/library/book138.pdf>.
4. Инновационная Россия-2020: стратегия развития РФ на период до 2020 г. М., 2010. <http://innovus.biz/media/uploads/resources/Innovative-Russia-2020.pdf>.
5. Р. Фарсон. Менеджмент абсурда. М.: София, 2006.
6. З. Бауман. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.
7. У. Бек. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
8. Е. К. Краснухина. Отречемся от старого мира? http://anthropology.ru/ru/texts/krasnukhina/gerontos_11.html.
9. Предпринимательство: учебник/Под ред. М. Г. Лапуста. 4-е изд. М.: Инфра-М, 2007.
10. Э. Гидденс. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Изд-во «Весь мир», 2004.
11. М. Кутузов. Стратегирование как форма проектного мышления. <http://www.archipelag.ru/authors/kutuzov/?library=1381>.

Homo innovaticus: paradoxes and contradictions of the innovative anthropological project

E. A. Drugova, Senior lecturer, Department of Psychology, National Research Tomsk State University.

This article sets the task of the integration of social science and innovation study. In this article Homo innovaticus is described as a special anthropological project of modernity. Some paradoxical and contradictory traits and characteristics of the Homo innovaticus are considered. Article discusses the situation of risk society, when increasing the risks and complexity of working with them. Creation and consumption shows as simultaneous, but multi-directional vectors of the human force application. Change of orientation of innovative development is detected: innovations are produced not only to meet the needs, but to create new needs. Focus on the future, the desire to «win the future» is shown as a typical trait of the innovation ideology. It is connected to the problem of discontinuity with the traditions. In general terms, described contradictions characterize the transition to the post-industrial information society, problems of global economic world.

Keywords: homo innovaticus, innovative people, post-industrial society.